

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. ТОЛСТОЙ И Е. ЗАМЯТИН: ПСИХОЛОГИЗМ "РОМАНОВ О БУДУЩЕМ" В СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В.М. Сахарова

A. TOLSTOJ AND E. ZAMJATIN:
PSYCHOLOGISM OF THE "NOVELS
ABOUT THE FUTURE" IN THE
COMPARATIVE-TYPOLOGIC ASPECT

Saharova V.M.

On the texts of the novels "Aelita" by A.N. Tolstoj and "We" by E.I. Zamjatin the problem of psychologism in the Russian prose of 1920-s is analyzed in the article. On the basis of comparative-typologic approach different aspects of the psychopoetics of the two contemporary writers are analyzed. Their aesthetic principles also become actual.

В статье на материале романов А.Н. Толстого «Аэлита» и Е.И. Замятина «Мы» исследуется проблема психологизма в русской прозе 1920-х годов. На основе сравнительно-типологического подхода анализируются различные аспекты психопоэтики двух писателей-современников, а также актуализируются их эстетические принципы.

УДК 82.091

Вопросы типологической близости таких крупных художников слова, как А. Толстой и Е. Замятин в науке о литературе только ставятся. Мы можем отметить лишь публикации статей Л. Зверевой (1), С.А. Голубкова (2), В.П. Скобелева (3). Между тем, активизация сравнительной методики изучения литературного наследия двух современников просто необходима как для выявления истоков их творчества, так и для понимания сущности литературного процесса 20-х годов XX века в целом. Что касается проблемы сравнительно-типологического исследования психологизма романов А. Толстого и Е. Замятина, то, насколько нам известно, она до сих пор не поднималась.

В литературе XX века психологизм заявляет о себе не только как средство раскрытия внутреннего мира героя, но и как "действенный сюжетопределяющий и структурообразующий фактор" (4, 136); все чаще утверждаются хронопоэтические способы выявления психологии героя через его "внутреннее время" (5, 8). Писатели пристальнее и глубже обращаются к сфере подсознательного и бессознательного.

Психологизм в "романах о будущем" Алексея Толстого и Евгения Замятина также своеобразен. Традиционные художественные решения в них гармонично сочетаются с новыми открытиями в области духовной жизни индивида на уровне планетарного и даже космического масштаба, в соотнесен-

ности утопического и антиутопического начал в сознании авторов и их героев.

В данной статье мы прибегли к оппозиции “Аэлита”/ “Мы”, так как именно она наиболее ярко репрезентирует своеобразие психологических систем А. Толстого и Е. Замятина при всем их различии как близких творческих индивидуальностей. При этом мы учитывали как художественную практику, так и теоретические искания писателей.

В системе косвенной формы психологизма А. Толстой и Е. Замятин широко используют традиционные приемы, прежде всего, насыщенные психологическим содержанием детали: предметные, пейзажные, портретные. В романе “Аэлита” и антиутопии “Мы” образы вещей, предметный мир приобретают особенно важную роль. Для А. Толстого это характерно как для художника, внимательного к быту, а Замятину вещи необходимы для возбуждения в главном герое новых, необъяснимых впечатлений, переживаний. В изображении этими писателями предметного мира наметилась характерная тенденция – стремление не к описанию, а к перечислению предметов, которое активизирует восприятие читателя. Толстой и Замятин используют все виды необходимых характеристик: цвет, звук, ощущение, запах. Из всего многообразия деталей их вещного мира можно выделить две общие – опущенные шторы и зеркало.

Совершенно уникальной содержательной значимостью обладают пейзажные образы в романах. Здесь также можно выделить особенности, свойственные и Толстому, и Замятину: во-первых, пейзажные зарисовки даны по принципу антитезы (Земля – Марс у А. Толстого, искусственная природа города – дикая природа за Стеной у Замятина); во-вторых, они оказывают на героев огромное эмоциональное воздействие; в-третьих, пейзажные описания “фантастических миров” (Марса у Толстого и природа Древней цивилизации у Замятина) отличаются большей выразительностью и экспрессивностью.

Портретные описания в “Аэлите” и “Мы” также несут психологическую нагрузку. Связь между внешним и внутренним

предельно наглядна и подчеркнута. У обоих писателей портретные характеристики в системе психологизма то обогащаются авторскими комментариями, уточняющими эпитетами, то, наоборот, намеренно зашифровываются, недоговариваются. При анализе портретных характеристик в романе “Аэлита” и антиутопии “Мы” было также выявлено определенное сходство: ведущая роль жеста, внутренняя динамика, повышенная функциональность речевого портрета, акцентированная с начала повествования “личностная особость” героев.

Но особенно значимы в произведениях А. Толстого и Е. Замятина пространственно-временные отношения. Ведь в фантастике внутренний мир героев, характер их отношений с окружающей средой раскрываются в полной мере именно через хронотоп. В романе А. Толстого пространство то сужается до бытового (квартира Лося, комната Маши и Гусева, яйцевидный аппарат, “заброшенный дом”), то расширяется до вселенских масштабов (планеты Марс, Земля, Сириус), то принимает формы неопределенной пустоты (полет в космосе). Время характеризуется как случайное мгновение (“Вдруг – это было на мгновение – будто облачко скользнуло по его сознанию, закружилась голова...” (6, 9) или, наоборот, как вечность, “непомерно долгая неземная” (“Прошло неопределенно много времени” (6, 143). Зачастую эти две категории сливаются и образуют “небытие”: “Так пронеслось непомерное пространство времени” (6, 145).

Пространство и время в “Аэлите” не даны отстраненно, они сосуществуют с героями, оказывают воздействие на их физиологическое и душевное состояния. Так, например, от пустого пространства вселенной Гусева одолевает скука, он “зевнул, щелкнул зубами”. Пространство и время словно проникают внутрь героев: “Холодок вечности осаждался невидимой пылью на сердце, на сознание” (6, 144).

Аналогичные типы пространства и времени встречаем и у Замятина. Замкнутостью и стройностью характеризуется все пространство Единого Государства: его ули-

цы, комнаты “номеров”, рабочие аудитории. Время также имеет свои границы и определяется, прежде всего, точностью. В произведении конкретно называются часы, минуты, секунды (“В 22 я опустил шторы – и в ту же минуту вошла немного запыхавшаяся О. Протянула мне свой розовый ротик – и розовый билетик. Я оторвал талон – и не мог оторваться от розового рта до самого последнего момента – 22.15” (7, 319). По мнению граждан Единого Государства, бесконечности нет, время вписывается в определенные категории – “расписание”, “Личные часы”, “Часовая Скрижаль”. Пространство и время антиутопического города приведены к “гармонической функции”. Но есть иной мир – открытый, безграничный, бесконечный – мир “лесных” людей. Временные и пространственные категории ему вообще чужды.

В романе Замятина есть еще один вид хронотопа – внутренний, личностный: духовный мир Д-503, детализированное описание его психического состояния. Через него проецируются два других хронотопа. Изначально внутренний хронотоп Д-503 соответствует хронотопу Единого Государства. Он живет в его пространстве, по распределенным им часам. Древний Дом с его особым измерением нарушает в герое пространственно-временное равновесие, о чем свидетельствуют его приступы беспомощности. По мере усиливающейся “душевной болезни” Д-503, временные и пространственные границы все более и более размываются, образуя, по определению самого автора дневника, “дикий, невыносимый хаос”. После операции время и пространство вновь возвращаются в свои пределы, рамки дозволенного.

В произведениях А.Н. Толстого и Е.И. Замятина запечатлена циклическая картина мировосприятия. Движение имеет направление возврата (необходимо заметить, что Марс в романе не символ будущего, а символ далекого прошлого, перспектива будущего у А. Толстого связана с Землей): Земля (будущее) – полет в “черном небе”, “пустая темнота”, небытие – Марс (прошлое). И, наоборот: Марс (прошлое) – полет

в “черном небе”, “пустая темнота”, небытие – Земля (будущее). Замятинский герой также возвращается в исходное пространство и время. В романе “Мы” прошлое – настоящее – будущее соотносятся в аналогичном порядке. Единое Государство – символ будущего. Настоящее передано через внутренний хронотоп героя. А выразителем прошлого является Древний Дом, мир за Зеленой Стеной. Очевидно, что движение Д-503 происходит в том же направлении, что Лося и Гусева. Его отправная точка – Единое Государство. С каждым новым посещением Древнего Дома герой постепенно погружается в прошлое. Его метания пролегают между двумя полюсами (I-330 и Благодетель). Однако в Д-503 изначально заложен “абсолютный страх” – благоговение перед Благодетелем. Постепенно этот страх переходит в сферу индивидуально-интимного сознания и эволюционируется во внутренний: сначала герой боится того, что вовне, затем – того, что в нем самом. В результате через “вырезание фантазии”, он вновь возвращается в будущее.

Такое “путешествие во времени” превращает героев в “иных”, новых людей. Здесь особое значение приобретает форма корабля – яйцевидная. Яйцо, как известно, является символом рождения. Да и сам процесс извлечения Лося и Гусева из аппарата напоминает процесс родов: “Когда затем из внутренности таинственного аппарата слышались слабые стоны, толпа в ужасе отодвинулась и затихла. Появился отряд полиции, врач и двенадцать корреспондентов с фотографическими аппаратами. Открыли люк и с величайшими предосторожностями вытащили из внутренности яйца двух полуголых людей...” (6, 148). Один из них, подчеркивает автор, “жалобно стонал”. При рождении младенец издает такие же звуки. Далее следует: “В толпе раздались крики сострадания, женский плач” (6, 148). Так женщина кричит во время родов от боли и от счастья при виде своего ребенка. Показательно, что такой момент рождения и мотив яйца отражены и в произведении Е. Замятина – это эпизод раздвоения личности Д-503, когда появляется новое, незнакомое герою

“Я”: “... Раньше он только чуть высовывал свои лохматые лапы из скорлупы, а теперь вылезал весь, скорлупа трещала, вот сейчас разлетится в куски и... и что тогда?” (7, 344).

Результаты инициации героев оказываются различными. Лось становится познающей личностью, до конца жизни сохраняющей в себе тайну мечты и исторического прошлого. Его внутренний хронотоп – это неизведанный Марс (символ прошлого). Иной мир Гусева. Он во всех смыслах – “земной человек”, его результативная роль – осознание символа будущего (Земли). Д-503 вместе с удалением фантазии теряет прапамять. Его внутренний хронотоп вновь становится аналогичным гармоничному хронотопу Единого Государства.

А. Толстой и Е. Замятин уделяют повышенное внимание онейросфере. В их произведениях герои осмысливают свои сны, к субъективному знанию изнутри добавляют знание себя со стороны как объекта. Личности открывают неизведанные пространства собственного психологического микрокосма, тем самым достигают более полного бытия. Сновидения персонажей у А. Толстого и Е. Замятина включены в мифоритуальную, религиозно-мистическую и культурно-психологическую парадигмы. Сам процесс сновидения обоими писателями воспроизводится во всех подробностях, с присущими ему закономерностями психической жизни, воссоздается не только предметное содержание, но и ведущий эмоциональный тон. За счет подробного изображения моментов засыпания и пробуждения устанавливается связь сна с осознанными душевными движениями, сновидение вплетается в общую психологическую картину, появляется реальная мотивировка возникновения особых душевных состояний.

В произведении А. Толстого преобладают сны-познания и сны-воспоминания. У Е. Замятина имеют место сон-лейтмотив и сон-бред. В обоих романах состоянию сна противостоит “мучительная бессонница” как признак раздробленного сознания. У Замятина она передана через детали вещного мира. У А. Толстого – непосредственно через

бессознательное. Более подробно об этом – в нашей статье “Онейросфера героев А. Толстого и Е. Замятина” (8).

В заключении отметим, что А. Толстой не стремится передать психологический процесс в последовательности и глубине всех его звеньев. Он фиксирует основные моменты. С одной стороны, для психологического стиля А. Толстого характерны лаконизм, схематизм, “уплотнение характеристик”, теория жеста, объективность. С другой стороны, – насыщенность текстов деталями, характеризующими внутренний мир героев, расширение хронотопа, свидетельствующие о полноте психологического рисунка и его углубленности. Для Е. Замятина также характерна недоговоренность, обрывистость, прием умолчания. Но основной чертой его психологизма, как и всего стиля вообще, является “квадратная гармония”, категория прозрачности / непрозрачности, синтез всех психологически значимых характеристик (запаха, цвета, звука, осязания, формы).

В романе “Мы” Е. Замятин предпочел форму “Ich-Erzählung”, рассказ от первого лица. Весь роман представляет собой не что иное, как попытку Эго-анализа, в рамках которого Д-503 можно рассматривать как рефлексирующего героя. Самосознание в романе “Мы” является художественной доминантой, служит основой для построения образа героя. Через него запечатлеваются процессы озарения и интуиции. Внутренний мир отдельного человека берется в единстве и взаимосвязи его с внешним бытием. Все устойчивые качества Д-503, его социологическая и характерологическая типичность, душевный облик и наружность, то есть все то, что служит автору для создания образа героя, – становится объектом рефлексии самого героя. Действительность – также элемент самосознания Д-503. Таким образом, автор все вводит в кругозор самого героя, не оставляя для себя ни одного существенного признака, ни одной черточки, ни одного жеста. Предметом собственно авторского видения и изображения оказывается лишь функция его самосознания.

В романе А. Толстого элементы реф-

лекции также присутствуют в виде воспоминаний и внутренних размышлений. Однако наиболее значительную роль в “Аэлите” играет психологическое повествование от третьего лица. Для автора нет тайн в душах героев, он знает о них все, детально прослеживает внутренние процессы, объясняет причинно-следственную связь между впечатлениями, мыслями, переживаниями. В повествовании от первого лица у А. Толстого нет необходимости. Его герои – цельные натуры, они лишены таких глубоких внутренних противоречий, какие характерны для Д-503.

Таким образом, системы повествовательно-композиционных форм А. Толстого и Е. Замятина, с помощью которых осуществляется изображение различных сторон внутреннего мира героев, их душевных состояний чрезвычайно богаты и интересны. Хронотоп, онейросфера и форма повествования в “романах о будущем” стали важнейшими художественными средствами, определяющими своеобразие психологизма писателей. В сочетании с традиционными приемами психологического анализа (портретом, пейзажем, вещью) они позволяют раскрыть внутреннее состояние героев и в текущий момент повседневности, и в момент душевного кризиса. Такое сходство эстетических принципов и способов разрешения психологических коллизий в “Аэлите” и “Мы” позволяют нам характеризовать отношения двух современников как продуктивный творческий диалог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверева Л. *Фантастика как средство выражения авторской концепции в творчестве Е. Замятина (“Мы”) и А. Толстого (“Аэлита”)* // *Кредо*. – Тамбов. – 1995. – № 10. – С. 32 – 37.
2. Голубков С.А. *А.Н. Толстой и Е.И. Замятин: моменты творческой переключки* // *А.Н. Толстой: Новые материалы и исследования (Ранний Толстой и его литературное окружение)*. – М., 2002. – С. 96 – 105.
3. Скобелев В.П. *Приключенческая проза А.Н. Толстого 20-х годов: жанровое своеобразие и проблема пародирования* // *А.Н. Толстой. Новые материалы и исследования*. – М., 1995. – С. 72 – 76.
4. Лейтес Н. *Личность и мир: (О художественном психологизме в прозе социалистических стран Европы)* // *Вопросы литературы*. – 1987. – №4. – С. 132 – 154.
5. Колобаева Л. *“Никакой психологии”, или Фантастика психологии? (О перспективах психологизма в русской литературе нашего века)* // *Вопросы литературы*. – 1999. – №2. – С. 3 – 20.
6. Толстой А.Н. *Избранные сочинения: В 6 т. Том II. Романы, повести, рассказы, пьесы*. – М., 1951.
7. Замятин Е.И. *Избранное*. – М., 1989.
8. Сахарова В.М. *Онейросфера героев А. Толстого и Е. Замятина* // *Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания. Материалы 51-й научно-методической конференции преподавателей и студентов “Университетская наука – региону” (апрель 2006)*. – Ставрополь, 2006. – С. 232 – 235.

Об авторе

Сахарова Виктория Михайловна, аспирант кафедры истории новейшей отечественной литературы факультета филологии и журналистики Ставропольского государственного университета. Имеет 9 публикаций. Сфера научных интересов – сравнительное литературоведение.